

Ростовский ТЮЗ — один из лучших в нашей стране театров для юношества. Двадцать лет его существования вовсе не были идиллическими, но чередование взлетов и падений — свидетельство нормальной пульсации живого театрального организма.

Театр молодежи и для молодежи обязан постоянно обновляться, иначе ему грозит неминуемая потеря зрителя. Три года назад этап обновления наметился в связи с приходом в ТЮЗ новых сил, и прежде всего — нового главного режиссера, ученика Г. А. Товстоногова Вячеслава Гвоздкова.

Процесс поисков театром своей эстетики происходит мучительно. Но это не вымученное придумывание художественских программ и формул. Новаторство теперешнего режиссера — в том, чтобы определить и сделать законом органичный именно для этого коллектива, именно для этого города и зрителя способ существования театра.

Вячеслав Гвоздков — представитель «молодой» режиссуры. Писать это слово в кавычках побуждает то обстоятельство, что категория возраст здесь весьма относительна. Молода подобная режиссура скорее своим преобразовательным духом. В остальном же она вполне зрелая и определенная в своих принципах и действиях.

Существует целая теория ТЮЗов. Лучшие умы из драматургов, режиссеров, детских писателей и критиков бьются над тем, чтобы раз и навсегда установить, каким должен быть театр для юношества. Обязан ли он снисходить к молодым, перенимая распространенную в среде 14—19-летних моду и лексику, или, наоборот, призван сурово и решительно поднимать юных граждан до понимания сугубо взрослых, серьезных проблем и тем? Дискуссии становятся все острее, потому что вопрос об искусстве для будущих поколений — это вопрос воспитания строителей коммунизма, формирования человека завтрашнего дня. Бесспорно одно — театр для юношества должен во все времена быть Театром.

Что это означает для Ростовского ТЮЗа? Первой и главной художественной задачей театр определяет для себя «безусловную правду», «жизненную достоверность»

Доверие

проблем и сценического их толкования. Требование правды жизни, тяга к подробному, детальному воспроизведению реалий той или иной житейской ситуации подкреплены опытом и точными наблюдениями театра над запросами своей трудной аудитории.

«Люди устали от зрелищ, им хочется простоты, тишины для того, чтобы сосредоточиться на чем-то важном. Зрителю нужно подойти совсем близко к артисту, чтобы не пропустить ни одного мельчайшего движения его души. Человеку хочется познать чужую жизнь, чтобы сличить ее со своей», — так думает Вячеслав Гвоздков, и этим продиктована его особая тщательность в разработке мельчайших деталей спектакля.

В своих постановках (в Сочи ростовчане привезли три из них: «Будто мы не знакомы друг с другом», «Разговоры в учительской...», «Родительское собрание») главный режиссер тяготеет к острому факту жизни, к такому ее куску, который мог бы стать поводом для разрешения сложных и болезненных человеческих проблем. С этим расчетом Гвоздков и выбирает пьесы. Целью остаются не больше ни меньше как воспитание мировоззрения, настаивая на том, что созидатель

человека — исконная задача театра.

Пьеса Рустам Ибрагимбекова «Прикосновение», поставленная В. Гвоздковым, в январе этого года была отмечена дипломом на заключительном смотре спектаклей, посвященных 60-летию образования СССР, в Москве. Тема этой камерной пьесы очень значительна — победа духовности над извечным и таким простиетельным человеческим инстинктом самосохранения, страхом смерти. Решена она на необычном материале. В последние дни войны в оставленном храме русский парень Андрей и казашка Адалет оберегают картины, брошенные в спешке «завоевателями». Высокий, почти метафорический смысл «Прикосновения» — нетленность духовного — был раскрыт Гвоздковым при помощи сугубо конкретных, вещных реалий.

Кое-кто из спорящих о путях молодежного театра упрекает его за неспособность потрещать. А ведь для того, чтобы вернуть театру это забытое качество, вовсе не надо изображать на сцене мученическую смерть героев или светопреставление. Потрахать могут обыденные вещи — но показанные с обнаженной откровенностью, с болью.

Вот это безразличие, страстность и боль дают Ростовскому театру право на пьесы, повествующие о некоторых тревожных явлениях в нашей жизни. Одна из них — «Нина» А. Кутерницкого, из которой возник спектакль В. Гвоздкова «Будто мы не знакомы друг с другом». У этого спектакля много планов, главная же его «несущая опора» — протест против омертвления человеческих связей в самом святом нашем сообществе — семье. Чем более достоверен, узнаваем на сцене быт семьи Железных, тем ужаснее неотвратимость происходящего. Нравственный итог спектакля прост. Театр вызывает прежде всего к нам, родителям, требуя обратить взоры внутрь и пока не поздно спросить у себя: обеспечено ли необходимым моральным потенциалом наше право воспитывать своих детей?

Вячеслав Гвоздков и его сподвижники прекрасно понимают, что театр для детей и юношества должен быть разнообразным. Он непременно обязан нравиться, привлекать, порой и развлекать — без этого дело воспитания тоже невысмыслимо. В репертуаре Ростовского ТЮЗа есть поэту и «файтастика в стиле диско» «451° по Фаренгейту», и добрая, мудрая сказка «Не грусти, Шишки».

Сделать театр по-настоящему нужным юному зрителю может совпадение молодой драматургии, по-молодому дерзкой режиссуры и владеющего современным выразительным языком актера. У ростовского ТЮЗа есть все перечисленное, а сверх того есть главное — доверие. Зритель доверяет театру, потому что тот не хочет упрощать, измечать и перемалывать — соответственно возрасту основного своего посетителя — важные проблемы и современные сценические средства. Театр доверяет зрителю, потому что тот хочет и стремится понимать его — его тревогу, его взволнованное слово.

В том, что такое доверие рождает необходимую связь сцены и зала, без которой существование любого ТЮЗа бессмысленно, можно убедиться, побывав на спектаклях ростовчан.

Н. СААКОВА.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «Родительское собрание».